

Библиофил

А.Г. Назаров

«Великая Бесконечность ткет свой особый узор»

К 100-летию со дня рождения Святослава Николаевича Рериха культурная общественность получила долгожданный подарок — издание двухтомника его «Писем»¹. Второй том вышел в свет осенью 2005 г., завершив единую культурологическую акцию — публикацию огромного пласта преимущественно архивных, неизданных рукописных, либо ставших раритетными материалов к 100-летию выдающегося русского художника, естествоиспытателя, философа-мыслителя. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть, что опубликованные «Письма» С.Н. Рериха, представляющие безусловную самостоятельную ценность, нельзя отрывать от других важнейших рукописей самого С.Н. Рериха, изданных одновременно, в пределах двух лет, а также от его биографии и воспоминаний о нем². Скажу более определенно: в силу особенностей издания, к которым вернемся чуть позже, письма С.Н. Рериха как целостное произведение и как источник богатейшей информации о личности и об эпохе трудно (а подчас и невозможно для уяснения заложенных в них смыслов) читать, не прибегая ко всем указанным источникам о жизни и многогранной деятельности Святослава Николаевича. Это хорошо понимали составители издания: первому тому «Писем» предпослано обстоятельное предисловие Н.Г. Михайловой, а второй том завершается Указателем имен, подготовленным Т.О. Книжник, и справочными материалами, необхо-

¹ Рерих С.Н. Письма. Том I (1912—1952). Составитель и автор предисловия Н.Г. Михайлова. М., 2004. 448 с. с илл.; Рерих С.Н. Письма. Том II (1953—1992). М., 2005. 456 с., с илл.

² Рерих С. Искусство и жизнь / Пер. с англ. Т.В. Кожевниковой, И.И. Нейч. М., 2004, 330 с.: 149 илл.; Art and Life by Svetoslav Roerich / Edited by I.I. Neich. International Centre of the Roerichs; Master-Bank. Moscow, 2004. — 290 pages, 131 illustrations, 113 in color; Беликов П.Ф. Святослав Рерих: Жизнь и творчество. М., 2004. 328 с.: илл. — Прилож.: Хронология жизни и творчества С.Н. Рериха / Составитель К.А. Молчанова; Воспоминания о С.Н. Рерихе. М., 2004 / Составитель Т.О. Книжник.

димыми для серьезного исследования, — таблицей архивных номеров писем С.Н. Рериха, опубликованных в двухтомнике. Во вступительной статье «Радость подлинного творчества», рассматривая жизненный путь С.Н. Рериха, Н.Г. Михайлова соотносит события его жизни и жизни семьи Рерихов с содержанием некоторых его собственных писем, статей и выступлений, а также писем матери, Е.И. Рерих, и брата, Ю.Н. Рериха, с автобиографическими сведениями и воспоминаниями людей, общавшихся с С.Н. Рерихом лично. И благодаря этому письма сразу ожили, засверкали новыми гранями и проясненными смыслами.

Письма С.Н. Рериха охватывают период с 1912 по 1992 год, и это только те письма, которые содержатся в Архиве Международного Центра Рерихов (кроме еще не изданных 400 писем Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе). Всего в двухтомнике опубликовано около тысячи писем, если быть точным — 991 письмо. Оба тома по объему примерно одинаковы; в первом — письма 1912—1952 гг., во втором — 1953—1992 гг. Как и другие издания Центра Рерихов, книги эти прекрасно иллюстрированы, со вкусом и значением подобраны фотографии семьи Рерихов и самого Святослава Николаевича и его супруги Девики Рани Рерих, их друзей, знакомых, видных государственных и общественных деятелей, вернисажей С.Н. Рериха. В обоих томах — прекрасно выполненные цветные

репродукции картин Святослава Николаевича. И все это на мелованной бумаге, все к месту, все в отличном типографском исполнении. Конечно, читателей, особенно молодых и особенно учащихся, а также любознательных пенсионеров может смутить и показаться излишне высокой цена издания. Но оно того стоит, и это не самая высокая цена издаваемых МЦР рериховских произведений. Ведь еще В.И. Ленин говорил — для того, чтобы заниматься культурой, нужно иметь деньги. А у кого их нет — к их услугам хорошая библиотека МЦР, Российская государственная библиотека и другие, к сожалению, немногочисленные библиотеки, где можно найти произведения семьи Рерихов и книги о них. Будем надеяться, что и читатели в глубинке России смогут эстетически насладиться и духовно обогатиться, познакомившись с томами этих писем, — тираж их 2000 экземпляров, неплохой для участников рериховского движения и почитателей рериховского гения.

Восьмидесятилетний период, охватываемый письмами С.Н. Рериха, — это целая эпоха жизни поколений, которые пережили первую и вторую мировые войны, стремительное ускорение научно-технического прогресса («машинной цивилизации», как писал Святослав Николаевич); это эпоха холодной войны и обретения независимости бывшими колониальными странами, среди которых возвышается Индия с ее древнейшей культурой. Тысяча писем С.Н. Рериха — ценнейшие документальные свидетельства уже ушедшей эпохи прошлого века; со временем их значение будет возрастать.

Сын говорил о своем отце: «Для Николая Константиновича искусство жизни было превыше всех искусств»³. То же в полной мере можно отнести и к самому С.Н. Рериху. Страница за страницей в письмах Святослава Николаевича перед читателем раскрывается процесс формирования многогранной личности будущего великого естествоиспытателя. Мысленным взором, чувствованием, богатым воображением он пытается проникнуть в тайны великого искусства жизни, в ее красоту, в скрытые от взора тайны вселенского Космоса.

Но мало просто читать письма С.Н. Рериха: их нужно уметь прочесть. Это не увлекательное «чтиво», хотя порой от писем трудно оторваться, не беллетристика — в каждом из них, даже в кажущемся на первый взгляд обычном поздравлении заключена какая-то частица особого смысла, словно передаваемая от письма к письму, от одного лица к другому, из месяца в месяц, из года в год... Где же запрятан ключ, чтобы прочесть их, и прочесть истинно?

³ Рерих С.Н. Письма. В 2 т. Т. II. М., 2005. С. 186.

В 80-летнем возрасте, оценивая результаты работы Института гималайских исследований «Урусвати», С.Н. Рерих отмечал:

«Жизнь нашей семьи — это была жизнь в труде. Все мы, так или иначе, трудились, но все работали всегда вместе. *Все мы вчетвером составляли одно целое, и все мы помогали друг другу. Это позволило нам узнать очень многое и то же, может быть, собрать и дать другим* (курсив мой. — А.Н.)»⁴.

«Все мы вчетвером составляли одно целое» — в этом мне видится тот угол зрения, который открывает наилучший обзор всех писем Святослава Рериха, помогает прочесть их трудные порой для понимания смыслы. Автор писем передает читателям не только свой личный опыт и знания — это синтез искусства жизни всей семьи Рерихов, уникальной, единственной в своем роде, но поразительно единой в своих великих прозрениях.

О духовной монолитности этой семьи говорят многие исследователи творчества Рерихов. Приведу еще одно наблюдение. Я изучал письма С.Н. Рериха с точки зрения их научного содержания, и поначалу довольно большой массив писем казался мне бытовым, не содержащим глубоких мыслей и размышлений, и становилось досадно, что Святослав Николаевич столько времени и сил в переписке тратил на мелкую чепуху. Но что-то подсказывало, что это не так, что в этих домашних письмах-сообщениях (особенно их много во втором томе) запрятана какая-то внутренняя, невидимая глазу суть. Чтобы избавиться от «бытового наваждения» таких «малоинформативных» писем, явно проигрывавших «письмам-титанам» с их обобщениями и синтезом мысли, я решил набраться терпения и заново, с начала до конца перечитать всю «бытовую мелочь», намеренно пропуская любезные уму и сердцу «титаны». Медленно, не сразу, но по мере чтения все отчетливее стал вырисовываться скрытый, многоаспектный контекст таких писем. Разгадка открывается, когда, перечитав тексты, спрашиваешь: кому он писал все эти «неинтересные» — с точки зрения исследователя научных воззрений С.Н. Рериха — письма? Адресатов несколько, но в абсолютном измерении возвышается один — Семья. Это любимые Пасик, Масик и Юша — Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихи, их домочадцы И.М. и Л.М. Богдановы и несколько доверенных семье и С.Н. Рериху людей. (Здесь надо отметить, что родителям Святослав Николаевич писал и большие обстоятельные письма о своих размышлениях, своей жизни, и эти письма собраны преимущественно в первом томе.) Начинаешь

С.Н. Рерих. 1930-е гг.

понимать, что для любящего сына и брата, входящего в нераздельный духовный монолит семьи Рерихов, короткие письма с бытовыми подробностями, поручениями, поздравлениями, приглашениями и т.п. служили не данью обязательного сыновнего долга перед родителями, но внутренне необходимой духовной потребностью. Потребностью непрерывного общения, обмена мыслями, впечатлениями, сомнениями, радостями — всем тем, что составляет глубоко личную основу единой семьи, скрепленной духовными узами и общей целью. Да и можно ли назвать мелочами многое из того, о чем повествуется в семейных письмах? Вот Святослав в Бангалоре хлопчет об очках для любимого Масика, подробно пишет, где левая линза (не помечена в конверте), а где правая (помечена специально), чтобы, не дай Бог, Матушка не позабыла, что у нее глаза разные! А здесь — хлопоты о посылках с неведомой никому «синей материей» для Масика и обещанные книги по археологии для Юши...

Корпус таких писем-общений с семьей занимает более трети всего объема изданного двухтомника. Именно в них наиболее полно проявляются лучшие черты личности С.Н. Рериха — доброта и

⁴ Отдел рукописей МЦР. Ф.1. Вр. № 894. Л. 60 об. (Выступление С.Н. Рериха 30 октября 1984 г. в лектории общества «Знание»).

доброжелательность, забота о ближних, обязательность в делах и поступках. «Дорогие мои и любимые...», «Берегите себя» — так обычно начинаются и заканчиваются письма любящего сына и брата, так «душа с душою говорит».

Исследователя, изучающего научное, культурологическое и эпистолярное наследие С.Н. Рериха, как, впрочем, и любого читателя, в первую очередь интересует, конечно, тематика писем, о чем в них говорится, кому и по какому поводу они пишутся. Восемьдесят лет, охватываемых письмами, — это вся земная жизнь С.Н. Рериха, с тех пор, как он научился писать и смог в шесть лет послать свое первое (из сохранившихся) письмо «Милому папе»⁵. С него хронологически начинается отсчет, пожалуй, главной темы его богатого эпистолярного наследия — *чувства природы* или любви к природе. Научному исследованию процесса формирования чувства природы у С.Н. Рериха, в сопоставлении его творческой биографии с путями становления К.М. Бэра, В.И. Вернадского и С.В. Рахманинова, посвящена моя работа, опубликованная в журнале «Культура и время»⁶. Здесь лишь отметим, что большое научное значение рассматриваемого издания писем состоит в том, что научная общественность впервые получила точные документальные свидетельства многолетних занятий С.Н. Рериха фармакопеей, сбором лекарственных трав, интродукцией ряда растений в природный и культурный ландшафты Западных Гималаев (долина Кулу) и Южной Индии (Бангалор, имение Татагуни), организацией Института гималайских исследований «Урусвати», первых промышленных плантаций эфиринозных деревьев в Индии. Тема изучения природы проходит через большинство писем С.Н. Рериха. При этом мы вправе говорить именно о чувстве Природы, о той высшей духовной категории, которую В.И. Вернадский считал выше искусства и которая служит неиссякаемым источником вдохновения и созидания, их Первопричиной. Титанический подвижнический труд С.Н. Рериха-естествоиспытателя, направления и итоги его естественноисторических исследований в Индии ждут своего дальнейшего научного изучения. В настоящее время эта тема стоит в числе важных направлений работы Объединенного Научного Центра проблем космического мышления, действующего на базе МЦР.

Другие темы эпистолярного наследия Святослава Николаевича связаны с тем, что было для семьи Рерихов самым главным: это участие в деятельности по созданию Музея Н.К. Рери-

ха в Нью-Йорке и других культурных организаций Америки и Европы (около половины писем 1926 — середина 1935 г.); деятельность по принятию Пакта Рериха и Знамени Мира; организация выставок и школ изобразительных искусств в Индии (1950—1960 гг.); участие в культурной и общественной жизни Индии, России, Болгарии и других стран (1960 — 1980 гг.). С 1961 г. началась переписка С.Н. Рериха с П.Ф. Беликовым, первым биографом отца и сына. Она охватила более чем 20-летний период (до кончины П.Ф. Беликова в 1982 г.); во втором томе опубликовано около 90 писем П.Ф. Беликову, связанных с работой Павла Федоровича над биографиями Н.К. и С.Н. Рерихов, — писем проникновенных, глубоких, важных для понимания философского мировосприятия С.Н. Рериха. Такой же серьезностью в обсуждении трудных для понимания глубинных философских вопросов Учения отмечен ряд писем С.Н. Рериха к Франсис Грант и Г.Г. Шкляверу, многолетним сотрудникам рериховского движения в Америке и в Европе, и одно из писем Уоллесу, будущему вице-президенту США. В них С.Н. Рерих проявляет себя как мыслитель, глубоко знающий философию Живой Этики.

Святослав Николаевич Рерих предстает в письмах такой сложной, титанической личностью, что к нему, как и к другим выдающимся светочам человечества, нельзя подходить с обиходными, расхожими оценками. Мы можем оценивать человека по его делам и тем устремлениям, которые лежали в их основе. А о них С.Н. Рерих, в силу присущей ему скромности и высокой культуры, либо вообще не говорил, либо так скуп, что подлинное значение им сделанного ускользает, растворяется как будто в чем-то обыденном. Но его подвижнический труд имеет высокую осознанную цель. «Живем мы здесь, как обычно, — пишет о колоссальной работе Института «Урусвати» и о своих собственных естественнонаучных изысканиях С.Н. Рерих, — работаем, собираем материал, *который со временем послужит на пользу человечеству* (курсив мой. — А.Н.)»⁷.

Обращение к будущему, которое все расставит по своим местам и в котором только возможна подлинная оценка духовных устремлений и трудов семьи Рерихов, — лейтмотив многих писем С.Н. Рериха, особенно после ухода из жизни его родителей, а в 1960 г. — и брата.

«Е.И. оставила около 300 *манускриптов* — и записей — истинный клад мудрости. Но, конечно, все сводится к единому — самопознанию, со-

⁵ Письмо С.Н. Рериха Н.К. Рериху (1910). Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44, д. № 1233 (В издании МЦР не включено. — А.Н.).

⁶ Назаров А.Г. Душа Природы. С.Н. Рерих — естествоиспытатель-космист // Культура и время. № 1. 2005. С. 44—61.

⁷ Письмо С.Н. Рериха Г.Г. Шкляверу 19 апреля 1934 г. / Рерих С.Н. Письма. Т. 1. С. 52.

вершенствованию истинного человека. <...> Удивительной была жизнь Н.К. и Е.И. Как это нужно все собрать и бережно донести, — пишет Святослав Николаевич П.Ф. Беликову в 1962 году. — Сколько было у них знаний, широких, истинных. Мысль была свободной, радостной. Только и думали о благе всех поверх всяких внешних условностей, всяких ветхих ограничений. <...> Пройдет много времени для полной оценки всего творчества Н.К. Воистину, он был великим человеком.

Прекрасный образ Его как-то особенно светится. Такими должны быть великие Учителя прошлого. Вся жизнь Его — это служение Добру, человечеству, и кто измерит все неисчерпаемые богатства Его внутренней жизни.

Скоро будет отмечено 60-летие Юрия Ник[олаевича]. Величайшая утрата. Сколько, сколько еще он мог бы дать, сколько он знал. Но течения Жизни неисповедимы — Великая Бесконечность тклет свой особый узор»⁸.

В этих письмах С.Н. Рерих делится важным для историка наблюдением о действительном соотношении личностей своих любимых родителей:

«Для Николая Константиновича искусство жизни было выше всех искусств. <...> Правильно, что Е.И. познакомила Его с Рамкришной и Вивеканандой. Но его интерес к Индии проявился у него еще раньше. <...> Очень он ценил Тагора <...> Также и Бхагават-Гиту. Но, как Вы правильно заметили, уже давно, давно у него появилась основная линия. Вы правы — очень рано отмечены *краеугольные положения* и осознание своего *Пути*. Е.И. много ему принесла, но все это только как бы будило что-то давно известное, что-то давно освоенное. У Н.К. было особенное внутреннее знание. Без чтения книги он знал содержание — предмет»⁹.

Консультируя П.Ф. Беликова в период подготовки его монографии о Н.К. Рерихе, С.Н. Рерих затрагивает интересную тему. Он пишет о том, что «могут найтись люди, которые скажут, что Н.К.

иногда ошибался, и, конечно, может показаться, что были совершены ошибки, как, например, в выборе доверенных людей. Но вся история полна таких ошибок, и укладываются ли они в обыкновенные рамки так называемых ошибок?»¹⁰

Заканчивая свои заметки о «Письмах» С.Н. Рериха, к сожалению, слишком беглые и далекие от обстоятельного их рассмотрения, мне хотелось бы поведать о главном заключительном впечатлении: это такая глыба, такое монументальное произведение Мысли и Чувства, что его не освоить в одночасье. Двухтомник «Писем» С.Н. Рериха представляет объективно большой вклад в науку и философию, в нашу общую культуру.

Н.К. Рерих, Е.И. Рерих, Ю.Н. Рерих, С.Н. Рерих. 1932—1933

⁸ Письмо С.Н. Рериха П.Ф. Беликову 8 июля 1962 г. / Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 186—187.

⁹ Там же. С. 186.

¹⁰ Письмо С.Н. Рериха П.Ф. Беликову 10 октября 1969 г. / Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 301.

Ш.А. Амонашвили

Духовный ПОДВИГ

«**В**селенная Мастера» — так называется третья книга трилогии «Великое путешествие» Людмилы Васильевны Шапошниковой. Аннотация книги завершается привычно-сдержанным резюме: «Книга написана доступным языком, со многими иллюстрациями и несомненно вызовет значительный интерес у самого широкого круга российских и зарубежных читателей». Я только что дочитал книгу, объем которой почти 1100 страниц. Читал ее более двух месяцев. Заложил в нее огромное количество закладок. И хотя было жалко оставлять на страницах книги какие-либо отметины, тем не менее не выдержал и подчеркнул цветными маркерами места, имеющие для меня особое значение. Что касается иллюстраций, репродукций картин и фотографий (все цветные, а количество их более 160), то на многих мой взор останавливался долго, ибо они тоже требовали познавательных усилий.

Итак, мое впечатление о новой работе Л.В. Шапошниковой. «Книга написана доступным языком», — говорится в аннотации. Язык книги — это та прямая связь, которую устанавливает автор с читателем; через свой язык автор или увлекает читателя и вводит его в свой мир, мир особых

мыслей и идей, приобщает к ним, или же, как часто бывает, разочаровывает его, затрудняет понимание текста, а иногда и вовсе отгоняет от себя, и это — гибель книги. Каким языком писать, раскрывая самую трудную тему, вовсе не праздный вопрос. Писать «доступным языком» или строго научно-философским? Языком размышлений или нотаций? Языком созвучия или безразличия? Людмила Васильевна выбрала свой язык общения с читателями, и им теперь судить, в какой мере он доступный или недоступный. Это во многом зависит от самого читателя, от его способности к тому, что мы называем чувствознанием. Мне трудно определить все качества языка книги, но скажу о некоторых, которые придают этой довольно объемной книге неизъяснимую притягательную силу.

Во-первых, это язык свободного творческого размышления, когда автору ничего не стоит вести широчайший и тончайший анализ, устанавливая взаимосвязи всего со всем, между реалиями того, что было, что есть и что будет, что на Земле и на Небе, что в глубине и что на поверхности. Во-вторых, это язык, который далек от формальностей, а наполнен чувствами. Каждая мысль книги, каждая строка несут в себе радость и грусть,

веру и преданность. Чего в ней нет — так это злобы и раздражения. В-третьих, это язык культуры, язык уважения и утверждения, язык духовных ценностей и расширенного (космического) сознания. Может быть, было бы справедливо сказать, что автор пользуется таким тончайшим оттенком языка, который можно назвать устремлением, — это *язык устремления*. В-четвертых, каждому, кто бы ни взялся за чтение книги, с первых же десятков страниц покажется, что автор написал свою книгу только для него, что он серьезно и открыто размышляет на его глазах, подбирает такие слова и примеры, чтобы читатель смог дать волю своему воображению, вникнуть в самую суть. В общем язык большой книги прекрасен. В этом ее притягательная сила. Эту красоту, а потому и простоту языка, эту доверительную и уважительную интонацию читатель ощущает постоянно, до такой степени, что даже перестает обращать на это внимание, увлеченный и вовлеченный в процесс постижения смысла и содержания.

Книга «со многими иллюстрациями», говорится в аннотации. Здесь тоже необходим комментарий. Дело не в том, что иллюстраций много, а в том, какие они, зачем и о чем. Во-первых, все фотографии и репродукции не только иллюстрируют содержание книги, — они как *тексты*, через которые автор продолжает свои размышления, помогает нам углубиться в его мысли. Может быть, искушенный искусствовед скажет, что все это и раньше было ему известно, зачем ему репродукции, если он видел сами произведения искусства, и зачем фотографии тех или иных местностей, если он сам бывал в тех краях. Но все дело в том, что объекты, отраженные в иллюстрациях, даже если они хорошо знакомы читателям, осмысливаются с точки зрения космического сознания, и потому на них смотришь как будто впервые, *иным* взглядом. К тому же надо отдать должное тому очевидному обстоятельству, что многие из иллюстраций — редкие, а некоторые, особенно фотографии, принадлежат самому автору книги и публикуются действительно впервые.

Если просмотреть только иллюстрации, помещенные в этом томе, перед нашим взором откроется панорама эволюции творческого сознания — от развалин древнейших, тысячелетних давностей, акрополей, пирамид, скульптур и письменных знаков на камнях, глиняных и металлических плитах до средневековых икон, храмов и современного искусства. Среди редчайших иллюстраций: карта Шамбалы из монастыря Бонпо, серия икон Преображения XII—XV веков; фотографии почтового ящика, в котором была при-

слана шкатулка с Камнем в Париж в 1923 году, и сама шкатулка, в которой камень, и сам Камень; письмо Учителя на бересте, пришедшее к Е.И. Рерих способом телекинеза (в переводе с санскрита — «Урусвати, в той стране ты построишь Храм»); Чаша Будды и т.д.

Таким образом, в книге не просто много иллюстраций, слово «много» не отражает действительность, правильно было бы сказать так: автор *размышляет иллюстрациями*, показывая читателю в обычных и редчайших образах Космичность, космическую ноосферу.

Книга «вызовет значительный интерес...» — еще одна скупая цитата из аннотации. Во мне лично книга вызвала не просто «значительный», а глубочайший и горячий интерес, вызвала радость познания. Какого жанра эта книга? Она, безусловно, и философская и научная. В ней утверждается идея о космическом знании с привлечением многих научных теорий, обоснован метанаучный способ познания (речь идет по сути о новом научном направлении, которое составляет универсальный принцип для всех наук, — *метанауке*). Да, это философское и научное исследование, но такого рода книги обычно *так* не пишутся. Книга далека от популяризации философско-научных ценностей, ее цель — не популяризация знаний, а *расширение сознания читателя*, установление в качестве философского камня, в качестве главного устоя мировоззрения идеи о союзе Неба и Земли.

Жанр книги трудно определить. Если говорить о моих личных впечатлениях, я читал ее как философский, как научный роман, точнее, как многоготовый роман в одной большой книге. Нет, это не фантастический роман, это роман о настоящих, реальных судьбах космических идей и людей, их рождающих. Роман этот имеет главы с заманчивыми названиями: «Священная ночь Элевсина», «Царство моих идей впереди», «И я зажег этот огонь», «...Сын Земли, причастный к силе Феба», «О, вещая душа моя», «Доспех лучей лабораторных», «Разбудить спящую мудрость», «Мост над гремящим потоком», «Созвучие», «И за победной колесницей...» Каждая из этих глав — отдельное самостоятельное повествование, но все они включены в единый поток размышлений и обобщений и потому составляют одну большую книгу.

Раз роман, философский или научный, — значит, он имеет и своих героев. Герои эти — герои Духа, творцы нового сознания, которое выводит науку и человеческую жизнь на высший уровень постижения Вселенной с ее видимыми и невидимыми сторонами, с ее материальным и духовным аспектами.

Начинается необычный роман с «Пролога». Сколько раз читал я Николая Ивановича Пирогова как великого педагога! Знал и о его выдающихся достижениях в хирургии, но такого Пирогова, который в Прологе, я узнал впервые. Вместе с моим сопровождающим — с автором книги — я вхожу во внутренний сокровенный мир Николая Ивановича и с удивлением узнаю, что он в своих тайных записях сохранил мысли, которые закладывают основы космического мироощущения, что эти мысли он извлекал не из «бесконечно утонченного вещества», которое резал, спасая людей, а через метанаучный способ, через чувствование, через включение в мировое сознание. В книге приведена выписка, которую нельзя назвать иначе как величайшее откровение: «Если нам суждено в наших мировоззрениях подвергаться постоянно иллюзиям, то моя иллюзия, по крайней мере, утешительна. Она мне представляет вселенную разумной и деятельностью действующих в ней сил целесообразной и осмысленной, а мое “я” — не продуктом химических и чисто логических элементов, а олицетворением общего, вселенского разума, который я представляю себе свободно действующим по тем же законам, которые начертаны им для моего разума, но не естественным нашей человечески сознательной индивидуальностью». Пролог написан так, что мне не раз хотелось задать вопрос, хотя я понимаю абсурдность его: «Людмила Васильевна, неужели вы были лично знакомы с Николаем Ивановичем Пироговым?» Тот же самый вопрос у меня возник и при чтении других глав о других героях.

В главе «Свет Фаворский» героем является Иисус Христос. «На горе Фавор Великий Учитель показал воочию, что есть преображение человека и какова в связи с этим цель космической эволюции человечества», — пишет Людмила Васильевна. На горе Фавор, говорит она, произошло эволюционное действие, которое должно изменить сознание человечества, но, к сожалению, не изменило его до сих пор. Скорее наоборот, продолжает автор, «в восьмой день творения многие художники, убив в себе Бога, убили в себе Красоту». И добавляет с грустью: «Ни один предшествующий век не вознес безобразию на такой высокий общественный пьедестал, как это сделал XX век».

«Царство моих идей впереди» — эта часть романа рассказывает о Владимире Ивановиче Вернадском. И знаете, с чего начинается эта глава? В 1920 году, будучи при смерти от сыпного тифа, В.И. Вернадский испытал некое состояние духа, когда перед ним раскрылась вся его жизнь со смыслом и деяниями до глубокой старости и даже после смерти. «Мне хочется записать стран-

ное состояние, пережитое мной во время болезни», — записал он в дневник. Рассказ этот долгий, со всеми подробностями о предназначении, об организации институтов по проблемам живого вещества, о научных открытиях, о книгах, о семье, о мелочах жизни. Людмила Васильевна, как «свидетель» жизни В.И. Вернадского, показывает, насколько оправдалось в реальной жизни то, что было дано в откровении. И опять мы имеем дело с метанаучным способом познания, с космическим мироощущением, с расширенным сознанием.

«И я зажег этот огонь», — это слова Константина Эдуардовича Циолковского. Мы встречаем его на Лубянке, где размещался ЧК. Его выводят из холодной и темной камеры-одиночки на допрос. «Что же вы изобретаете?», — спросил чекист. «Металлические дирижабли на тысячу человек, самолеты на сотни и ракеты для исследования мирового пространства», — ответил он. «Фантазер и неудачник» — так его окрестили, но ученые жадно и хитро стали обкрадывать его, присваивать себе идеи «самоучки». А потом, хотя признали его гениальные открытия в ракетной технике, но оставили без всякого внимания и почтения его космическую философию, философию о космическом будущем человечества...

Далее — Александр Леонидович Чижевский, «сын Земли, причастный к силе Феба», первым высказавший идею «о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере, от космических факторов». Потом — Павел Александрович Флоренский. Грустные параллели жизней двух Павлов — Св. Апостола Павла и отца Павла. И мы опять узнаем через философские взгляды отца Павла Флоренского о единстве мироздания, о том, что «все происходит, но все остается».

Далее следует третья часть книги, ради этой части писалось все. «Неизбежность Живой Этики» — так называются эти прекрасные восемь глав. Это, с одной стороны, осмысление космических идей Рерихов, с другой же — учебное пособие для тех, кто находится на пути осознания Учения Жизни. Автор книги снабжает нас связкой ключей (это предыдущие главы), с помощью которых открываются и познаются законы земной и космической жизни в их единстве.

Конечно, я не обозначил, не назвал все качества и грани «Вселенной Мастера». Но нужно ли это делать? Пусть читатель сам откроет эту книгу, этот роман-откровение и спокойно, без предвзятостей приступит к чтению и осмыслению его страниц. Понадобится время и труд души. Но волю звать на помощь не придется, ибо заменит ее огромный интерес.

Фрагмент оформления книги Л.В. Шапошниковой «Вселенная Мастера»

Р.С. Я поставил книгу на полку рядом с предыдущими, посмотрел на всю серию трилогии «Великое путешествие» и еще раз изумился: Боже мой, какой объемный, какой великий труд! Первая книга «Мастер» вышла в 1998 году (620 страниц); вторая — «По маршруту Мастера» — состоит из двух частей, вышли они в 1999 и 2000 годах общим объемом более 900 страниц, а теперь третья, и все вместе три тысячи страниц! Не забудем,

что за это же время вышла книга «Тернистый путь Красоты», — по моему убеждению, она тоже составляет важную часть общего замысла.

Во всех трудах Людмилы Васильевны Шапошниковой систематизируются объемные, как голограмма, и обширные, как небо, знания, утверждается красота и глубина космического сознания. Духовный подвиг — вот что можно сказать об авторе этих книг.